

всех тех, а в провинции число их было громадно, кто находился под его влиянием! Тем не менее до тех пор, пока духовенство и монашеские ордена надеялись удержать за собой *управление* своими громадными имениями, они не особенно проявляли свое недовольство. Раз управление оставалось за духовенством, его имения являлись как бы взятыми правительством в опеку как гарантия государственных займов.

Но долго продолжаться такое положение вещей не могло. Казна была пуста, налоги не поступали; заем в 30 млн., принятый Собранием 9 августа 1789 г., не удался; другой заем, в 80 млн., объявленный 27-го числа того же месяца, дал слишком мало. Затем 26 сентября после знаменитой речи Мирабо Собрание предписало взыскать чрезвычайный сбор со всех имущих, равный четверти их годового дохода. Но и этот налог был сейчас же поглощен процентами по прежним займам; и тогда явилась мысль о выпуске ассигнаций, т. е. кредитных билетов, по мере надобностей государственного казначейства. Обеспечением этих бумажных денег должны были служить громадные «национальные имущества», конфискованные у духовенства и пущенные в продажу, причем кредитные билеты (ассигнации) предполагалось скупать и уничтожать по мере поступления платежей за проданные церковные имущества.

Революция развивалась теперь под угрозой гражданской войны, гораздо более ужасной, чем уже начавшаяся борьба против королевской власти, под опасением вооружить против себя буржуазию, которая хотя и преследовала свои собственные цели, но во всяком случае предоставляла народу возможность освобождаться от помещиков и пережитков крепостных отношений, тогда как она сразу повернулась бы против всяких освободительных попыток, если бы капиталам, вложенным ею в займы, стала угрожать опасность. Поставленная перед необходимостью выбрать между этими двумя опасностями, революция остановилась на плане выпуска ассигнаций, гарантируемых продажей национальных имуществ.

Всякому ясно, какие громадные спекуляции вызвали эти две меры: продажа в больших размерах национальных имуществ и выпуск ассигнаций! Легко угадать и то, какой разврат внесли они в революцию. А между тем до сих пор ни политэкономы, ни историки, критиковавшие эти меры, не могли указать никакого другого средства удовлетворить самые насущные нужды государства. Прошлого французского государства - преступления, злоупотребления, воровство, войны старого королевства тяжелым бременем падали на революцию. Имея на плечах всю громадную тяжесть долгов, завещанных ей старым порядком, революция неизбежно должна была нести на себе их последствия.

29 декабря 1789 г. по предложению парижских «округов» (см. ниже гл. XXIV) заведение имуществами духовенства было передано муниципалитетам, которые должны были пустить их в продажу на 400 млн. Это был решительный шаг. С этого момента духовенство, за исключением нескольких деревенских священников, друзей народа, отнеслось к революции с непримиримой, чисто клерикальной ненавистью. Освобождение монахов и монахинь от их монашеских обетов еще более разожгло эту ненависть. По всей Франции духовенство стало тогда душой заговоров с целью возвращения старого порядка и феодализма. Оно же было душой той реакции, которая, как мы увидим, взяла верх в 1790 и 1791 гг. и чуть было, не остановила дела революции.

Тем временем буржуазия продолжала бороться и не поддавалась. В июне и июле 1790 г. Собрание занялось обсуждением важного вопроса - внутренней организации церкви во Франции. Духовенство было теперь на жалованье у государства, и законодатели задумали освободить его из-под власти Рима и окончательно подчинить его конституции. Епископства были слиты с новыми департаментами. Число их таким образом уменьшилось, и две административные единицы, духовная и светская, епархия и департамент, сливались в одну, что, конечно, не нравилось духовенству. Впрочем, с этим оно, может быть, еще помирилось бы, но по новому закону избрание епископа предоставлялось собранию выборщиков, тем самым, кто избирал депутатов в палату, судей и всю администрацию.

Епископ лишался таким образом своего духовного характера и становился чиновником на службе у государства. Правда, и в старинной церкви епископы и священники избирались народом; но собрания избирателей, созываемые для избрания политических представителей и чиновников, не то, что старинные собрания всех верующих. Как бы то ни было, верующие увидели в этом посягательство на старые церковные уставы, и духовенство использовало это недовольство. Оно разделилось на две партии: одна - духовенство конституционное - подчинилась, по крайней мере по внешности, новым законам и приняла присягу конституции; другая же - отказалась от этой присяги и стала открыто во главе контрреволюционного движения. Таким образом, в каждой провинции, в каждом городе, в каждой деревне, в каждом поселке перед жителями вставал вопрос: будут ли они за революцию или против